

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Кривко Романа Николаевича
«Текстология и язык славянских служебных миней XI–XIV вв.»
(Москва, 2016, 747 с.),
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук
по специальности 10.02.03 – Славянские языки
в диссертационный совет Д 002 248 02
при ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»

Славянскую Минею, пожалуй, без преувеличения можно назвать памятником, пользующимся наиболее глубокой привязанностью и пристальным вниманием палеославистов. Как справедливо отмечается во введении к обсуждаемой диссертации, существует целый ряд направлений, в рамках которых разрабатываются вопросы лингвотекстологии южнославянских и древнерусских источников на фоне византийской традиции, реализуются масштабные эдиционные, в том числе и цифровые, проекты. Тем не менее, Р.Н. Кривко удалось найти те исследовательские аспекты, которые позволили не просто получить новые сведения о текстологии и языке славянской Минеи, но и создать капитальный, поистине энциклопедический труд, вносящий существенный вклад в методологию изучения памятников славянской книжности.

Актуальность, новизна и теоретическая значимость исследования Р.Н. Кривко определяются рядом масштабных задач: построить типологию византийской минеи с учетом состава и структуры соответствующих источников; последовательно сопоставить византийские и славянские рукописи служебных миней, исходя из названного критерия; установить связь между историческими типами византийско-славянской служебной минеи и изводами церковнославянского языка. Эти задачи автор убедительно решает на материале более сотни византийских и церковнославянских источников, верифицируя четыре гипотезы,

раскрывающие генезис, эволюцию, региональную специфику и место славянской Минеи в культурном диалоге Византии и *Pacis Slaviae Orthodoxae*.

Логика исследования определяет структуру работы. Первая часть, «Византийские источники славянских служебных миней», посвящена истории византийской минейной традиции. Детально рассмотрены вопросы становления Минеи как гимнографического сборника, расположения элементов богослужения в различных региональных типах византийской Минеи и, в зависимости от этого, в древнейших славянских источниках, а также формирования соответствующей терминологии. Выявляя текстологически значимые классифицирующие признаки древних типов богослужебных сборников, автор демонстрирует глубокое знание структурной специфики восточнохристианского богослужения.

Вторая часть диссертации, «Лингвистический анализ памятников славянской гимнографии», сосредоточена на славянском материале и позволяет в полной мере оценить широту филологических интересов и лингвистических компетенций автора. Во-первых, им всесторонне обследована лексика древних источников – как редкая, до сих пор не зафиксированная славянской лексикографией, так и хорошо известная. Благодаря привлечению большого массива этимологических и текстовых данных Р.Н. Кривко удается существенно расширить наши представления о древнеславянском лексическом узусе. Во-вторых, исследуются данные орфографии как текстологически релевантный показатель. Доказывая прямое влияние протографов юго-западного происхождения на минейные списки древнерусского извода, автор обнаруживает обширные познания в области славянской исторической и современной диалектологии. В-третьих, в отдельной главе на материале южнославянских и древнерусских рукописей описана текстология кондаков Димитрию Солунскому и Пренесению Убруса, предложена реконструкция их первоначальной

версии. Кроме того, в третьей главе второй части представлено комментированное издание древнего славянского перевода канона Предпразднству Успения Богородицы, который сохранился в единственном манускрипте F. п. I. 37. Репрезентация этого редкого списка в сопровождении греческого оригинала дала автору возможность выявить ранее неизвестный фрагмент древнеболгарской гимнографической традиции и новые данные, характеризующие технику перевода.

В третьей части работы, «Ритм и метр церковнославянской гимнографии», исследуется метрика славянских песнопений на фоне греческих первоисточников. Констатируется постепенный отказ от изосиллабических перифрастических переводов в славянской гимнографии в пользу реализации пословного принципа, и исследуются причины и последствия такого развития ситуации.

Четвертая часть, «Славянские служебные минеи как источник по византийской гимнографии», представляет славянские данные как средство реконструкции утраченных звеньев византийской традиции. Так, путем обратного перевода реконструируется акrostих в греческом оригинале славянского канона Пренесению Убруса, что позволяет атрибутировать канон песнописцу Георгию. Рассмотрение греко-славянской параллели $\lambda\upsilon\beta\acute{\iota}\varsigma$ / *гривна* в кондаке Иоанну Златоусту уточняет семантический диапазон греческого слова.

Таким образом, в своем исследовании Р.Н. Кривко применяет различную исследовательскую оптику, то представляя масштабную панораму корпуса источников, смены требований богослужебного устава и переводческих подходов, то сосредоточивая внимание на том или ином частном сюжете. В соответствии с этой особенностью данной диссертации, наиболее крупными, на наш взгляд, достижениями автора являются, с одной стороны, методологические разработки, а с другой – конкретный анализ семантики и функционирования лексических единиц на фоне

греческих коррелятов. Помимо центрального тезиса об обусловленности исторических типов славянской служебной Минеи влиянием неоднородной византийской традиции, весьма убедительными представляются следующие положения:

об особой роли языковых «аномалий», т.е. отклонений от узуса определенного жанра, в реконструкции текстологической преемственности (с. 401);

о нейтральном статусе «преславских» примет в древнеславянской письменности (с. 439);

о церковнославянском языке как об одной из форм подражания византийской культуре (с. 397).

Анализ отдельных славяно-греческих параллелей выполнен автором на высочайшем уровне. Можно только согласиться с интерпретацией семантической эволюции термина *канон* в славяно-византийской традиции (с. 42-46); лексики и грамматики стихир и канона Предпразднству Успения (с. 305-309, 484 след.); узуса существительных *жьртва* и *трѣба* (с. 325-334); семантики и структуры минейных лексических гапаксов (с. 341 след.), грамматического статуса форм *дѣва* и *дѣвати* (с. 586-591) и констатировать, что профессиональное знание Р.Н. Кривко греко-византийских и славянских языковых реалий не оставляет желать лучшего. Отдельного упоминания заслуживает открытие диссертантом особого приема перевода, в рамках которого функционируют межъязыковые паронимы (с. 487, 492).

От обсуждения достоинств диссертации перейдем к тем моментам, которые хотелось бы отметить в порядке дискуссии или высказать в качестве пожеланий.

1. Заключение (четыре страницы) к столь масштабному сочинению (747 страниц) могло бы быть обширнее и содержательнее. На наш взгляд, «жанр» заключения к диссертации предполагает рефлексию по поводу

исследования, с акцентом на методологических находках автора. Здесь, однако, результаты представлены крайне сжато и в виде отстраненных констатаций, тогда как сам автор, со всем богатством своих наблюдений – методологических, текстологических, лексикологических и даже стиховедческих – как бы отсутствует.

2. На с. 144-145 помещена обширная сноска с рассуждениями о риторическом топосе, призванном актуализировать литургическое переживание празднуемого события: «Гимны *Придите (туда, где произошло празднуемое событие)* с характерной для праздника топонимикой или реалиями не единичны и не предполагают обязательной локализации текста в месте, где произошло празднуемое событие» (с. 144). Автор мог бы подкрепить свою аргументацию ссылкой на статью свящ. Павла Хондзинского «О богословии гимнографических форм» (Журнал Московской патриархии. 2001. № 12. С. 66–82), в которой описываются механизмы символической интериоризации, т.е. введения какого-либо события священной истории в богослужбное литургическое действо.

3. На с. 372 наречие *прѣтепло* названо суперлативом – как кажется, следовало бы оговорить, что это не грамматический суперлатив, но лексическое (словообразовательное) выражение высокой степени качества.

4. На с. 453 автор анализирует форму *мюроносъчьскыѧ* в ряду гапаксов, не отмеченных в лексикографии и зафиксированных автором в списке минеи Ф. п. I. 37. Р.Н. Кривко полагает, что «форма мю/роносъчьскыѧ (мюръносъчьскыи) с суффиксом -ьц- (и с последующим морфонологически обусловленным переходом ц в ч перед ь в позиции первой палатализации) позволяет теоретически предполагать только одно производящее существительное *мюроносъц(ь) ‘тот, кто несет миро’. Это свидетельствует о непонимании контекста, где речь идет о мироносицах (τῶν μυροφόρων ‘мироносиц’): в видении переводчика, мю/роносъчьскыѧ слъзы – это слезы неких мироносцев, несущих или носящих миро (?!), а не

слезы мироносиц». Насколько оправданно однозначно винить в появлении данного чтения именно переводчика? Ведь оно с той же вероятностью могло стать и результатом элементарной технической ошибки писца. Как справедливо замечает сам автор на с. 396, «...подготовкой именно писцов, а не переводчиков обусловлены многочисленные случаи искажения текста».

5. На с. 454 приводится глагол *принашьствовати* 'прийти, снизойти' в контексте *Се агньць въземлаи прегръ/шениа • члвчстваrinaшьствова* (ἦλθεν, ἐπεδήμησε 'пришел, явился'). При этом комментарий дан только в сноске: «В этой цитате одно славянское слово, о котором идет речь, переводит два греческих, указанных в качестве параллели». Хотелось бы увидеть более детальное истолкование этого непростого случая. Что является компенсацией лексической асимметрии? Две префиксальные морфемы в структуре глагола? Если это так, то как именно они модифицируют семантику производящего глагола *шьствовати*?

6. На с. 384 и далее комментарий к глаголу *свъзрастити(са)* в стихире прор. Самуилу сопровождается пространнейшим (вплоть до обсуждения состава тканей) экскурсом о ветхозаветных священнических одеяниях (в связи с аллюзией на библейский фрагмент 1Цар.2:18-19), который не имеет отношения к собственно глаголу и потому выглядит несколько избыточным, тем более что сам автор завершает его следующим образом: «Содержание библейской аллюзии в стихире, где сказано, что Самуил «рос вместе со священной одеждой», определяется не тем, что «на самом деле» носил пророк, а средневековой экзегезой соответствующего библейского фрагмента. Неясно, в какой мере широкий контекст процитированных гимнов был ясен славянскому переводчику» (с. 389-390).

7. В работе есть единичные формулировки, которые показались нам не слишком удачными. Так, на с. 150 Р.Н. Кривко пишет: «В более ранней

работе первый и второй типы (Минеи – М.Н.) были названы мной «archaic peripheral» и «archaic central», из-за чего история служебных миней описывалась как воздействие константинопольского центра на периферию, включавшую в себя Палестину и Синай, Италию и северо-запад византийского литургического ареала. Новая терминология предлагает рассматривать этот ареал как неоднородный и «многополярный», осложненный взаимонаправленным воздействием разных церковно-административных и культурно-политических центров друг на друга». Представляется, что терминология вряд ли может быть причиной смены модели описания; скорее, наоборот, новая терминология может являться отражением нового видения проблемы.

На с. 607 мы встречаем следующее высказывание автора: «Существительное τὸ ξύλον ‘древо’ осталось в древнейшей славянской версии без перевода, что позволило устранить межтекстовые связи, которые имеются в оригинале и в древнерусском переводе». Однако, как кажется, устранение межтекстовых связей – это скорее минус, нежели достижение, и это входит в явное противоречие с семантикой глагола *позволить* ‘предоставлять возможность что-либо сделать, предпринять’. Возможно, более удачной могла бы стать нейтральная формулировка «что привело к устранению межтекстовых связей».

Разумеется, высказанные замечания ни в коей мере не влияют на общую, самую высокую оценку обсуждаемой диссертации, которая представляет собой не просто актуальное и теоретически значимое самостоятельное исследование, но крупное событие в отечественной и мировой палеославистике. Основные положения диссертации прошли апробацию в рамках целого ряда международных конференций и нашли отражение в монографии и 47 публикациях, из которых 20 представлены в изданиях, рекомендованных ВАК либо индексируемых в базах Web of

Science и Scopus. Автореферат с надлежащей полнотой отражает содержание работы.

Таким образом, мы считаем, что диссертационное исследование на тему «Текстология и язык славянских служебных миней XI–XIV вв.» всецело соответствует критериям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (постановление Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013), а его автор, Кривко Роман Николаевич, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.03 – Славянские языки.

Официальный оппонент –
 доктор филологических наук
 (специальность 10.02.01 – Русский язык),
 доцент кафедры русского языка
 и прикладной лингвистики
 Института филологии и
 межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
 ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
 федеральный университет»

Новак

М.О. Новак

23.09.2016

Адрес:
 Российская Федерация,
 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
 тел. (+7)917-233-06-25
 e-mail: mariaonovak@gmail.com

